

Елена Клепикова

В городе яблок

Елена Клепикова

В городе яблок. Были и небыли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097508

ISBN 9785447496234

Аннотация

Книга «В городе яблок» рассказывает об Алма-Ате. О прекрасном, наполненном светом и тенями, прошлым и будущим, сбывшимся и неслучившимся городе у подножия гор. Городе, в котором непременно можно быть счастливым. Быльки и городские легенды, жизненные истории и исторические экскурсии. Герои рассказов живут и приглашают читателя в свой мир, чтобы вместе погрустить и посмеяться, вспомнить о былом и не пропустить неповторимые моменты сегодняшнего дня.

Содержание

Часть 1: Голоса Города	5
Встреча	5
Ночь первая: Голос самого старого дома	8
«И дрогнула земля...»	10
Ночь вторая: Голос Старой площади	14
Из жизни комочников	17
Ночь третья: Голос покинутого дома	22
Новый год	25
Ночь четвёртая: Голос купеческого дома	30
Дерево влюблённых	33
Ночь пятая: Голос городской аптеки	39
Жертва	42
Ночь шестая: Голос Академии Искусств	48
Музейная история	51
Ночь седьмая: Голос сгоревшего театра	55
Бармалей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**В городе яблоч
Были и небыли
Елена Клепикова**

Urbi et orbi

© Елена Клепикова, 2016

Редактор Л. Бахнов

Редактор О. Маркова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1: Голоса Города

Встреча

Чего только не случается в благословенном городе яблок. Однажды, жарким июльским днём, на горе Кок Тюбе, в фонтане на каменном яблоке, омываемом струями воды, сидел гражданин. На гражданина никто внимания не обращал. У всех свои дела, свои заботы – дети, мороженое, поцелуи, фотосъёмка.

Из густой кроны дерева прошелестел голос:

– Эй, зачем в фонтан залез?

– Жарко.

– Ты ж из наших – привидение. Нам, привидениям, жарко не бывает.

– Я антропоморф!

– Притворяешься, значит. Ну-ну...

– Робяты, а чегой-то вы тута делаете?

– Культурно отдыхаем, старче.

– А-а! А я вас раньше не встречал. Чьих будете?

– Что значит «чьих»? Своих, собственных!

– Из города мы, почтенный, центровые. Видите ли, да-же нам иногда надо выбираться на природу. Оздоровиться, подпитаться, завести знакомства, так сказать. За по-

следние годы как-то разъединились мы, кто переехал, кто в подполье ушёл, кто вообще... истаял.

– Слушайте, что если нам собраться? Познакомимся, может даже клуб по интересам организуем.

– Собраться? Втроём?

– Почему втроём, давайте, каждый ещё по трое знакомых разыщет и приведёт. Будет нас двенадцать, как знаков Зодиака.

– Знаков Зодиака тринадцать.

– Умный, да?

– Начитанный.

– Тихо, цыцте, раздухарились тута. Кадыть и кудыть надоть быть?

– Дед, кончай уже язык коверкать, можешь же нормально.

– Хе-хе, ущемление прав личности! Ладно, когда встречаемся?

– Понедельник день тяжёлый, тогда с вечера и начнём.

– Где?

– Можно у меня: местечко тихое, хоть и в центре, дом на восемь квартир, в одной давно уже не живут. Там и устроимся, никто не потревожит.

– Адресок подскажи.

Солнце спряталось за облаком, шорох листьев стих, погасла радуга в фонтане, и гражданин на яблоке растаял, растворился в брызгах воды.

– Все в сборе, собратья-привидения, двенадцать душ. Вопросы, предложения есть?

– Есть предложение: слово «привидение» не употреблять. Не актуально, пахнет этим, обску... э-э-э, мракобесием и средневековьем. Рекомендую заменить на «голос». Он же: выразитель, рупор, ум, честь и совесть...

– Эх тебя... Кто за «голос»? Против, воздержавшиеся есть? Нет. Единогласно. Будем голосами.

– С большой буквы!

– С большой, с большой! Собираемся, как стемнеет и до?

– Третьих петухов!

– Где ты в городе петухов видел?

– До первого света!

– Хорошо. Единогласно? Идём дальше – по регламенту. Предлагаю: Сначала Голос рассказывает о себе – так лучше друг друга узнаем, познакомимся. Потом рассказывает историю, которая приключилась в его доме или рядом. Одна ночь, один Голос. Все за? Отлично. На этом организационную часть позвольте считать завершённой. В каком порядке будем «голосить»?

– По старшинству.

– Спасибо, спасибо, большое спасибо! Итак, я начинаю:

Ночь первая: Голос самого старого дома

Я самый старый голос нашего города. Я тих, но слышен всем. Я пережил войны и революцию, сели и землетрясения. Я помню многое и о многом могу рассказать. Мой дом построили в шестидесятые годы девятнадцатого века, когда укрепление еще только-только получило статус города¹. Построили для аксакала сартов Сеид-Ахмеда Сейдалинова, богатого купца и человека уважаемого. И дом у него, по тем временам, был лучшим во «втором разряде».

Город! Слово-то какое, его хочется смаковать, произносить по слогам, катая буквы на языке: Го-р-род – рядом горы и отсюда я родом.

Стало укрепление городом и более того центром Верненского уезда и всей Семиреченской области. Татарская слобода, Большая и Малая станицы, Дунганская слободка у Кульджинского тракта полумесяцем охватывали центр нового города с юго-запада. В центральной части разрешалось строить

¹ В 1854 году, рядом с позднесредневековым поселением Алматы, было заложено укрепление Заилийское, позднее переименованное в Верное. 11 апреля 1867 года укрепление получило статус города и стало называться город Верный. 5 февраля 1921 года Верный переименован в Алма-Ату (Алматы). С 1993 года носит название Алматы.

дома только из кирпича и камня². Строили быстро и всего через двенадцать лет сорока трём улицам уже дали названия. Как он был красив, утопающий в зелени, резной, ажурный каменный цветок. Его так и называли Каменный цветок Семиречья – я помню.

И еще я помню, как был разрушен Каменный цветок.

² На 1887 год в городе Верном, Большой и Малой Алматинских станицах насчитывалось 1938 кирпично-сырцовых и каменных зданий, небольшое число домов из жжёного кирпича и более девятисот деревянных строений.

«И дрогнула земля...»

28 мая 1887 года

В тот памятный год весна в Семиречье выдалась тёплая, радостная. Только в апреле начались странности: из-под земли потекла вода, будто кто-то выдавливал её на поверхность. Вода заливала пашни, луга, подвалы домов. Застаивалась в низинах мелкими, парными озёрами. Но к маю вода ушла и благодарная земля зацвела-зазеленела – трава вымахала в рост человека, в бело-розовой кипени яблоневых садов гудели пчёлы, нежно и сладко пахли цветы степной сирени – тамариска.

Федяша смотрел на небо. По небу серыми страховитыми драконами ползли облака. Багрово-красное, цвета раскалённого железа, солнце висело над горизонтом. «Боженька гневается», – подумал парень, и тут земля закачалась под ногами. Сначала она колыхалась легко, как детская люлька, которую под напевную колыбельную покачивает мамка, потом задрожала, потом заходила ходуном, наконец, вздрогнула и затихла. Коровы замычали, кинулись в разные стороны и Федяша, щёлкая кнутом, принялся сбивать их в стадо. Две пастушьи собаки, верные помощницы, заливаясь лаем, подогнали отбившихся коров и пастух направил стадо домой, к станице.

Хозяева разобрали бурёнок, Федяша завёл свою корову во двор, подтолкнул к хлеву. Корова мотала головой, упиралась – не хотела заходить внутрь. Из окна избы выглянула мать, махнула рукой, мол, оставь ты её, пойдём ужинать. Федяша ел кашу – жёлтые пшённые крупинки плавали в молоке и походили на маленькие добрые солнышки. Совсем непохожие на сегодняшнее солнце. В открытое окно влетали ласточки, тревожно металась по горнице и с писком выпархивали обратно. С улицы доносился хриплый собачий лай, что-то напевала, укачивая ребёнка, мать. Но Федяша ничего не слышал, он был глухонемым от рождения.

Плавню сдвинулись к краю стола миски – опять закачалась земля. Федяша встал, подошёл к матери, погладил по голове уснувшую сестрёнку, показал на дверь. Мать не понимала, он ласково подтолкнул её к двери и тут изба вздрогнула. Сестрёнка проснулась, заплакала. Федяша вытолкал из дома мать с ребёнком на руках, схватил с кровати лоскутное одеяло и выскочил следом. По двору металась обезумевшие собаки. Федяша кинул одеяло у забора, потянул к нему мать. Он размахивал руками, показывал на небо, на землю, на избу, потом рухнул на колени и закричал, и столько мольбы было в этом немом крике, что мать поняла. Послушно подошла к одеялу, села, прижимая к груди девочку.

Земля качалась, как малая лодочка на волнах могучего океана, а перед рассветом раздался подземный гул, похожий на далёкие, штормовые раскаты грома и земля содрогнулась

от страшного удара. Раздался грохот и треск, дикое ржание и мычание, успевших вырваться на волю животных, собачий лай. И крики людей.

С восходом солнца стало видно, что почти все добротные, рубленые из тянь-шаньской ели, избы сельчан устояли. Развалились только печи да глинобитные сарайки и летние кухни. Но над городом Верным густым облаком клубилась пыль. Казалось, города больше нет, рассыпался в прах Каменный цветок Семиречья.

Федяша стоял у изгороди, помахивал кнутом, ждал, когда можно будет гнать коров на выпас. Коров никто не приводил. На телеге подъехал сосед, дед Егор, остановился рядом. У околицы Малой Алматинской станицы собрались мужики, сложили в телегу лопаты, топоры, пеньковые верёвки, вёдра, дружно помолились и зашагали в Верный, на помощь тем, кому ещё можно было помочь. Федяша смотрел им вслед, потом решился, свернул кнут кольцом, положил у дороги, и кинулся догонять станичников.

* * *

– Да-а, вот так оно и бывает. Живёшь себе, в ус не дуешь, дела на завтра откладываешь. А «завтра» может и не быть.

– Ты как не местный, право. Привыкнуть бы пора – здесь всегда трясёт, то сильнее, то слабее. Не спорю, «Вернен-

ская катастрофа» – испытание суровое, но Кеминское землетрясение³ пострашнее было.

– Вот потому алмаатинцев безбашенными называют, совсем страха не мают.

– Это, мил друг, фатализмом называется. Бойся, не бойся, а от того, что на роду написано, не уйдёшь.

– То-то, когда в ноябре 1989 экстрасенсы напорочили землетрясение в двенадцать баллов, все фаталисты по улицам гуляли. А на Старой площади народу было! Куда там праздничным демонстрациям.

– Одно другому не мешает: на Бога надейся, но сам не плошай. Ладно, давайте я о себе, любимом, расскажу.

– Завтра! У нас «завтра» всегда будет.

– Завтра, так завтра.

³ Кеминское землетрясение – катастрофическое землетрясение в Верном 22 декабря 1910 года (4 января 1911 года – по новому стилю). Названо так по эпицентру землетрясения в Чилико-Кеминском горном узле, связывающем два хребта Заилийского и Кунгей Алатау. Оно стало одним из сильнейших внутриконтинентальных землетрясений в истории. Именно после него Верный приобрёл славу одного из самых опасных для проживания городов в мире из-за угрозы природных катастроф.

Ночь вторая: Голос Старой площади

Что такое «особенный»? Особенный, значит – не такой, как все, не обыкновенный. А ещё – отдельный, независимый от других. Вот и я – не такой, как все и независимый. Всё просто, у других голосов есть дома, у кого-то один, у кого-то больше. А у меня дома, как такового, нет: мой дом – площадь. До 1980 года это была главная площадь страны. Все военные парады, демонстрации, салюты, праздники, гулянья с ликованиями, проходили на ней, площади имени В.И.Ленина.⁴ На самом деле моя площадь больше, чем просто открытое пространство широкой улицы – она замкнута в прямоугольник между проспектом Абылай хана и улицами Богенбай батыра, генерала Панфилова и Айтеке би: в неё входят скверы с фонтанами и памятниками, окружают красивые здания. На этой площади стоят сразу два Дома правительства – первый⁵, построенный в конце двадцатых годов и вто-

⁴ В 1980 году статус главной площади столицы был передан Новой площади (с 1982 г. – имени Л.И.Брежнева, с 1988 – снова Новая, а с начала 1990-х годов – площадь Республики).

⁵ Здание Дома правительства, ныне – Академия искусств имени Т.К.Жургенова. Построено в 1927—1931 годах. Авторы проекта: М. Гинзбург и Ф. Миллинис. Является образцом здания, построенного в стиле конструктивизма. До 1958 г. в здании располагалось правительство КазССР. В 1958—1982 – учебный корпус Казахского Государственного университета.

рой⁶, построенный в пятидесятые. Прямо перед ним, простирая длань в светлое будущее, возвышался огромный памятник Ленину. После перестройки памятник свезли в мемориальный парк памятников и бюстов ушедшей эпохи, а на его месте поставили памятник Маншук Маметовой и Алие Молдагуловой – девушкам Героиням Советского Союза.

Моя площадь действительно старая, пожалуй, одна из самых старых в городе. Ещё в семидесятые годы девятнадцатого века здесь располагался военный городок артиллерийских и казачьих частей Верненского гарнизона с плацем и Казачьей площадью, на которой в веке двадцатом и построили первый Дом правительства, а рядом здание Главпочтамта⁷.

В другом конце площади, на Толе би-Панфилова чудесный сказочный дом с башенкой – здание Казпотребсоюза. А напротив каре старых жилых домов, дети из которых учились в близлежащих школах, на выпускные вечера обязательно приходили на мою площадь и с неё уходили во взрослую жизнь. Не всегда в мирную. Но те, кто оставался живым, всегда возвращались. Как в старые, добрые, безмятеж-

⁶ Здание Дома правительства, ныне – Казахстанско-британский технический университет. Построено в 1951—1957 годах. Автор проекта архитектор Б.Р.Рубаненко. С середины 1998 по октябрь 2001 г. в здании размещался акимат Аلماتинской области.

⁷ Здание Дома связи – Главпочтамт – построено в 1934 году. Автор проекта архитектор Г. Герасимов. Выполнено в стиле конструктивизма. Над угловой пристройкой в 1960 году возведены куранты (архитектор Е. Дятлов, инженер Ю. Скринский).

ные времена. Как в незаконченную юность.

В серьёзные девяностые наискосок от Казпотребсоюза стояли три коммерческих киоска, попросту – «комка». Первый очень маленький, как домик дедушки Тыквы, зато железный – в нём торговали алкогольными напитками. Во втором, нарядном, стеклянно-помпезном расположился секс-шоп. В третьем предлагали покупателям игрушки китайского производства – пистолеты, автоматы и плюшевых монстриков кислотных цветов. Покупатели затоваривались водкой, хихикали у секс-шопа и, спрашивая о цене, вытирали руки после пирожков или мороженого, об игрушки. И приключилась там такое:

Из жизни комочников

Валерка шёл на работу. Лучше бы сегодня остался дома – мозжила кость, и каждый шаг отдавался в теле звенящей, стерильно-невыносимой болью. Протез натирал культю, она кровила. Не сильно. Пока он сидел в «комке», в относительном покое, ранки затягивались тонкой корочкой. Но по дороге домой всё повторялось. Снова и снова. «Лучше бы я умер в госпитале. – Валерка вытащил ключ, вставил в амбарный замок, повернул с хрустом два раза. – Если б не сын... лежал бы сейчас в арыке бухой и счастливый. С утра выпил – весь день свободен. А так, с утра – *мука*, вечером – *мука*. И весь день – мученье. А пацана до ума довести надо».

Невесёлые мысли перебил голос тёти Куляш – её ларёк стоял слева от валеркиного:

– Салам, сосед. – Валерка кивнул, криво усмехнулся в ответ. – Нога опять болит?

– Ногой я афганскую земличку удобрил. Вот здесь болит. – Он постучал по груди. – И здесь болит. – Треснул себя кулаком по голове. – И здесь. – Швырнул на землю ключи. – Дожили. Я боевой офицер – дрянь китайскую продаю. Фатка – водку палёную. Ей учиться надо, с парнями гулять, а она! И ты, учительница – сеешь разумное, доброе, вечное – писюками резиновыми торгуешь. – Голос с крика сорвался на визг.

Тётя Куляш поджала губы:

– Всем плохо. Думаешь, от хорошей жизни этим торгую? Дочка в аварии погибла – троих внуков оставила – мне их поднимать. Родня в праздники хороша, а в горе раз помогли – потом давай, Куляш, сама. А сколько в школе платят, знаешь? Не знаешь. А ботинки детские, учебники, хлеб-сахар сколько стоят, знаешь? Знаешь. Хозяин говорит, ты – старая, приставать не будут. Торгуй, что сверху – твоё. Жалеет. И зарплату платит раз в неделю, а не в полгода. Вот и продаю... писюки. Кто знакомый мимо проходит, под прилавков прячусь. – Погладила Валерку по плечу. – Всем плохо.

Он схватил маленькую коричневую ладошку, притянул к губам:

– Прости, апашка, прости. Не со зла. – Застонал сквозь стиснутые зубы. – Н-не могу больше.

– Ладно, ладно, балам. Давай, открывайся. Время. Сейчас клиент пойдёт.

Незаметно подошла Фатима. Неделью назад её прислали на смену прежней продавщице Аське. Разбитная грудастая Аська пошла на повышение – в «точку» при хозяине, на вокзале. Когда новенькая знакомялась с соседями-«комочниками», рассказала, что ей девятнадцать, живёт с братом. Братик в шестом классе, умный, шахматы любит. Родителей нет. Ну, почти нет. «Три года назад папа зарубил маму топором, приревновал. – Фатима говорила просто, без слёз и надрыва. – Мама очень красивая была. Топор большой, блестит.

Потом папа на нас кинулся. Мы с братиком убежать смогли. Папа вернётся. Он хороший, только выпивать нельзя ему. А мы к деду приехали, в Алма-Ату. Хорошо жили – дедушка добрый. Не стало его весной, Бог забрал. Надо работать. Ренат вырастет, дальше учиться пойду». Ох, злым ветром занесло эту девочку, птичку малую, в железную клетку с палёной водкой.

– Здравсьте, дядь Валер. Нога болит? – Слова можно было скорее угадать, чем услышать – так тих голос. – Давайте, я вам сладкого чаю принесу. От боли помогает.

– Принеси, если не жаль. – Валерка улыбнулся. – А что это ты всё боком. Ну-ка... на тебя полюбуюсь, и без чая полегчает.

– Не полегчает. – Фатима повернулась. Левая половина лица превратилась в сплошной багрово-фиолетовый синяк, на скуле белела полоска пластыря. Тётя Куляш прошептала:

– Опять гад приходил. – «Гад» – огромный, потный мужик повадился ходить за водкой после того, как соседи по прилавкам расходились по домам и Фатима оставалась одна. Он крыл продавщицу площадной бранью, угрожал, забирал бутылку водки. Денег не платил. Фатима вкладывала свои. – Бутылку требовал. Фатимушка не дала, так он своей поганой ручищей... И водку отнял.

– А «крыша»? – Валерку трясло от бессильной злобы.

– А что «крыша»? Сказали, пока ларёк не подломит или товар не побьёт – не *ихняя* проблема.

– Надо же что-то делать.

– Много мы сделаем – пенсионерка, инвалид и ребёнок.

– Сделаем! – В глазах Валерки зажёгся безумный огонёк.

И придумали они план. Детский, нелепый, ненадёжный – либо пан, либо пропал. Невозможно уже стало терпеть такую жизнь, когда любая мразь безнаказанно может раздавить тебя, словно букашку.

Наступил вечер: тётя Куляш принесла Фатиме наручники, закрепила одно кольцо на решётке и заняла пост в телефонной будке, Валерка с автоматом, стреляющим пластиковыми пулями, засел в кустах.

И Гад пришёл. И потребовал водки. И нагло просунул руку в окошечко за своей «законной добычей». Фатима успела защелкнуть второе кольцо наручников на его запястье, выскочила из киоска, захлопнула дверь. Тётя Куляш уже кричала по телефону о нападении – вызывала «крышу». Гад дёргался, ругался страшными словами, киоск трясся, и тут вступил в бой Валерка – влепил серию пулек в самые мягкие и незащищенные места. Гад взвыл, задёргался изо всех сил – под грохот и звон разбивающихся бутылок, киоск завалился в арык.

Визжа покрышками у «комков» затормозила машина – примчались братки.

Тётя Куляш в телефонной будке прижимала к себе Фатиму, а в кустах, стискивая в руках игрушечный автомат, плакал Валерка.

* * *

– *Дальше-то что?*

– *Ничего. Как говориться, не замай. «Крыша» есть «крыша» – фирма веников не вяжет, фирма делает гробы.*

– *А комочки?*

– *Не знаю я, не зна-ю. Коммерческие киоски немного по-
года из центра стали убирать. Время «комков» своё отти-
кало.*

– *Безысходно как-то.*

– *Жизнь. Вот так. Удачного, спокойного дня всем нам.*

Ночь третья: Голос покинутого дома

У меня был чудесный дом. Построили его из тьянь-шаньской ели в конце девятнадцатого века для купца первой гильдии Григория Андреевича Шахворостова. Человека почтенного и в городе весьма уважаемого. Ещё бы, он одним из первых основал коммерческое предприятие по торговле «колониальными товарами»⁸. За несколько лет небольшая лавка превратилась в крупную фирму «Торговый дом Г.А.Шахворостова с сыновьями и Пестов Фёдор Александрович». В первом разряде⁹, на углу улиц Торговой и Капальской¹⁰, выстроили основательное здание Торгового дома. Магазины и лавки фирмы работали не только в Верном, а и во всём Туркестанском крае, верненский же магазин называли «туркестанский Мюр и Мерилиз». Год от года богател купец Ша-

⁸ «Колониальные товары» – товары, привозимые из других частей света.

⁹ Во второй половине 19 – начале 20 века Верный делился на «разряды». «Первый разряд» – улицы в квадрате Казначейской (ныне Калдаякова), Торговой (Жибек жолы), Сергиопольской (Тулебаева) и Командирской (Богенбай батыра). Здесь были сосредоточены лучшие здания в городе: дом военного губернатора, дома городского начальства и епископа Туркестанского, Дом офицерского собрания, мужская и женская гимназии, собор и другие. В районах «второго разряда» – на восток до берега Малой Алматинки и на запад – до улицы Казарменной (Панфилова) – проживали чиновники, офицеры, купцы. «Третий разряд» охватывал остальную часть города, в нём селилась беднота.

¹⁰ На углу нынешних улиц Жибек жолы и Кунаева, где в наше время расположен Дом моды.

хворостов, исправно платил десятину и на благотворительные пожертвования не скупился. За всё это был отправлен делегатом от Семиречья на коронацию царя Николая Второго и подносил тому серебряный поднос с хлебом-солью.

Говорят, каждый мужчина за свою жизнь должен посадить дерево, построить дом и воспитать сына. Григорий Андреевич деревьев посадил немало, воспитал четырёх сыновей и каждому построил дом. Уже после смерти отца, братья Сергей и Пётр построили суконную фабрику¹¹ в окрестностях Верного на реке Узун-Каргалы, и в моём доме стал жить Сергей. А потом грянула революция, дом национализировали и кто там только не обитал: губернская чрезвычайная комиссия, губернские комитеты РКП (б) и РКСМ, позднее – областной санитарный совет, Наркомат здравоохранения, первое городское медицинское училище. Из огня, да в полымя. Когда в 1978 открыли в моем доме Музей истории медицины и здравоохранения Казахстана я подумал, всё, теперь отдохну от этого мельтешения учрежденческого. Да недолго пришлось радоваться. Отобрали у музея дом и отдали под американское посольство. И тогда я не выдержал. Называйте, как хотите – трусил, сбежал. Сбежал в дру-

¹¹ Суконная фабрика «Шахворостов с сыновьями и Пестов» – одно из первых предприятий текстильной промышленности в Казахстане. Запущена в 1910 году. Продукция поставлялась местному населению и вывозилась в Синьцзянскую провинцию Китая. В годы Первой мировой войны была одним из основных поставщиков сукна для солдатских шинелей царской армии. В 1918 году национализирована.

гой дом, небольшой, в котором всего восемь квартир – такие ещё сохранились в городе: с заплетёнными диким виноградом балконами, с тихими двориками. В дом, который не огорожен глухим железным забором. В дом с приветливо открытыми окнами. У моей временной обители тоже непростая судьба, но там живут добрые люди, и оттуда я присматриваю за старым особняком. Я жду и надеюсь на чудо. Я очень хочу вернуться. А пока живу здесь, в этом старом восьмиквартирном доме, где мы с вами собрались, и где под Новый год произошла эта история.

Новый год

Недалеко от пересечения двух очень больших проспектов стоял дом – старый и серый. Жили в нём люди, и не было у них праздника – со всех сторон на старый серый дом наступали небоскрёбы. Уныло в колодце.

Приближался Новый год. Днём подмораживало, а ночами с завидным упорством валил снег и ветер, свистящий заунывно тонко на пределе слуха, закручивал рыхлые хлопья в тугие спирали: то ли Дикая охота, то ли ведьмины зимние пляски. Жильцы всех семи (в восьмой уже давно никто не жил) квартир серого дома по привычке готовились к празднику: выбивали ковры, закупали продукты – всё, как всегда.

А тридцать первого декабря утром от Кирсанова ушла жена. Оделась, накрасила губы, буднично сказала: «Прощай» – и ушла. Насовсем. «Н-да, новогодний подарочек, – думал Кирсанов. – От такого либо в петлю, либо в запой до розовых слонов. Фиг ли. Не дождётесь». Его не прельщали ни прочувствованные речи на гражданской панихиде, ни тёплая водка с карамелькой на троих. Тем более что речей он бы не услышал, а сладкого терпеть не мог с детства.

И тогда Кирсанов потащился гулять – бродил по скверу, заглянул в кофейню, несколько раз прошёл мимо собора, но зайти не решился. К вечеру, окончательно промёрзнув,

завернул в магазин – купил шампанское, пять кило апельсинов – угощать соседей, и побрёл домой.

Свет из окон освещал небольшой двор. В центре двора стоял снеговик. На снеговика смотрели дети Лялькины:

– Дядь Коль, откуда он здесь? – спросил старший.

– Не знаю.

– Мы с обеда горку строим – не было никого, а теперь – стоит, – сказал младший. Кирсанов посмотрел на снеговика. Снеговик как снеговик: три шара – один на другом, по бокам на туловке ещё два маленьких – руки и снизу впереди два – ноги. И всё. «Снеговик без лица. Стёртый, как моя жизнь, – ужаснулся Кирсанов. – Потерпи, потерпи». Трясущимися руками высыпал апельсины в снег и стал выкладывать вокруг нижнего шара. Получалось красиво – снеговик в оранжевом солнечном круге. Бутылка шампанского, воткнутая снеговiku в лапку-шарик, довершала картину.

– Ну, ты, Коляныч, даёшь!

Кирсанов обернулся. Коренастый круглолицый Тынштык – сосед по этажу, – в сопровождении двух невозможно красивых высоченных девиц стоял, держа на плече ёлку, и с интересом разглядывал Николая.

– Совсем хреново?

– Прорвёмся, – пожал плечами Кирсанов.

Тынштык воткнул ёлку рядом со снеговиком:

– Ну-ка, девочки, подсуетитесь.

Красавицы покопались в сумочках и вытащили по пуд-

ренице. Глаза у снеговика получились удивительные: левый – лунно-серебряный и правый – солнечно-золотой, а ёлку украсили блестящие футлярьчики теней, помады, прочие дамские мелочи.

Двери подъезда распахнулись – семейство Лялькиных в полном составе вытащило во двор дубовый обеденный стол. Мама Лялькина расстелила парадную скатерть, и дети стали споро носить и расставлять салатницы, блюда, тарелки. Папа Лялькин вместо метлы принес снеговiku швабру – мокрые верёвочки, застыв на морозе, походили на колючего морского ежа.

Молодожёны из четвёртой квартиры – Надя и Лаврик Сон воткнули снеговiku нос-морковку, повесили на грудь маленький плеер и попытались водить хоровод. Хоровод вдвоём не получался. К Надюхе и Лаврику подбежали Лялькины, Тынштык и инопланетные красавицы.

– Коленька, это что, решили всем домом Новый год отметить? – Поинтересовался почтенный пенсионер Ривин.

– Так вот получилось, Борис Соломонович. Присоединяйтесь. Холодно только.

– Холодно. Новый год. Дети в Хайфе, внуки в Хайфе и у них Новый год. А какой Новый год без снега?

Борис Соломонович сходил домой и вернулся укутанный в каракулевую шубу жены, поставил на стол корзинку с разнокалиберными хрустальными фужерами. Пробрался к снеговiku и курагой, как мозаикой, выложил ему широкую

улыбку.

– Равиль! Студент! Выходи! – Заорали дети Лялькины. – Петарды жажнем!

Окно на втором этаже распахнулось. Из окна вырвались клубы дыма, и выглянул компьютерный гений. Как и положено компьютерному гению небритый, очкастый, слегка заряженный пивом. Кивнул головой и исчез. Через минуту Равиль появился на улице: брякнул на стол связку петард, подошел к снеговiku, примерившись, нахлобучил на голову яркое пластиковое ведёрко.

Петарды свистели и грохали, плюясь в небо огненными шариками. Дети и красавицы отзывались радостным визгом. Мама Лялькина обвела всех грозным взглядом:

– Весело? Да? Все здесь, а бабуку забыли!?

Мужчины загалдели и наперегонки припустили в подъезд. Немного спустя, Тынштык и Лаврик с пиететом вывели, поддерживая под локотки, величавую старуху. Сколько лет Амалии Карловне не знал никто – и двадцать и тридцать лет назад она была такой же. Амалия Карловна жестом подозвала Кирсанова, сняла с головы ажурный пуховый шарф, указала на снеговика. Николай набросил шарф на шею снеговiku – тот залучился радостью, стал домашним, родным.

Хлопнула пробка. Шампанское разлили по фужерам, заговорили разом:

– Счастья всем!

– Живите долго.

– Здоровья и денег побольше!

– Дай я тебя поцелую!

– Дядя Коля, не хочу, чтобы он растаял, – младший Лялькин теребил Кирсанова за рукав.

– Не горюй, всё будет хорошо.

Часы отбивали удары – соседи дружно чокались бокалами. Нежный хрустальный звон плыл в воздухе, переплетаясь с боем курантов. И когда стих отголосок последнего звука раздался густой баритон снеговика:

– С Новым годом!

* * *

– *Снеговик в самом деле заговорил?*

– *Я немного помог.*

– *Добренький ты... Как-то это не по-нашему. По-человечески.*

– *С кем поведёшься. Мастера вспомни: злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые. И если можешь дать людям немножко счастья, если можешь сделать чудо – сделай. От этого не только они – я стал счастливее.*

– *Непростой домик. Как они тебя перекроили.*

– *Может, оно и правильно.*

– *Всё может быть, давайте по домам. Хорошего дня!*

Ночь четвёртая: Голос купеческого дома

«Важность приличествует учёному человеку» – гласит китайская мудрость. А я, вот, не учёный, не человек, но важный страсть. И почти всегда был важным. Всё потому, что мой дом самый красивый. Ну, почти самый красивый. Только у него есть башенка с крышей-куполом и выходит он окнами своими сразу на две улицы – Курмангазы¹² и Фурманова¹³. Модерн начала двадцатого века! Дом невелик, но строили его три года по заказу почётного гражданина города Верного, владельца сапожных мастерских Тита Головизина. Обувь в головизинских мастерских шили знатную: женскую – ботиночки на пуговицах и туфли, детскую – всякую-разную. Для мужчин – штиблеты. Военных не забывали. Сапоги, конечно, не шуваловские, по сто рублей за пару, однако парадные офицерские по двадцать рублей шли, а обычные по три рубля пятьдесят копеек.

¹² Улица Курмангазы – бывшая восточная часть Каргалинского шоссе, до 1957 года улица Артиллерийская. Здесь во время летних учений разбивали бивак артиллеристы верненского гарнизона. Относилась к «второразрядной» улице, на которой строились одноэтажные дома с подворьем, огородными и садовыми участками.

¹³ Улица Фурманова – бывшая Лепсинская, считалась «второразрядной». Здесь селились чиновники, купцы, промышленники и офицеры верненского гарнизона. Сейчас – одна из красивейших улиц города.

И что самое интересное, рядом с моим домом, в саду был выстроен бальный зал. Несколько раз в год давал купец Головизин городские балы – обязательно на тезоименитство государя императора, а также по другим торжественным поводом. Но лучший бал устраивался на рождество. С утра – ёлка для детей, с хороводами, играми и подарками, а вечером бал-маскарад для взрослых. К балу-маскараду готовились задолго – втайне шили костюмы. Не дай бог, кто узнает у кого какой. И в рождественский вечер соревновались между собой Шемаханские царицы и Коломбины, Синдереллы и Ундины, Мушкетёры, Денди, Арлекины, Почтовые конверты и даже Эйфелева башня. Помню, году эдак в 1915 лучшей стала Леночка Знаменская. Она появилась в костюме День-Ночь, сшитом из двух частей – шляпка, платье, перчатки, – с правой стороны из белого шёлка, с левой – из чёрного. Даже туфельки были правая – белая, левая – чёрная.

После революции, в 1918 году дом национализировали и разместили в нём 2-ю детскую больницу, затем переделали в детский сад – всё лучшее детям, чуть позже – в жилкоммуну, а потом дом прибрало к рукам хозяйственное управление Совета министров. Стали в моём доме жить первые руководители республики и почётные зарубежные гости. Говорят, в 1955—56 годах жил в нём Леонид Ильич Брежнев, но я этого почему-то не помню.

Интересно, что дом мой стоит почти в самом центре города, но ощущение, что он под куполом времени, так около

него спокойно, несмотря на непрерывный поток людей и машин. Возле дома никогда не ходил трамвай, однако, если алма-атинский кто-то хочет кого-то куда-то послать, вежливо говорит «катись казы по Курмангазы»¹⁴.

А ещё из моих окон видно сросшееся дерево. У всех народов сросшиеся деревья считаются священными. Наше дерево не исключение, но только для тех, кто о нём знает. Большинство людей ходят мимо и даже не догадываются мимо чего. А ведь это так просто: подойти, положить ладони на ствол в месте слияния и загадать желание. И оно обязательно исполнится. Влюблённые могут подойти к дереву, вместе обнять его, и никто и ничто не сможет разлучить их. Вот, как оно было на самом деле:

¹⁴ «Катись казы по Курмангазы» – аналог «Катись колбаской по Малой Спасской» – известной поговорки, означающей «иди-ка ты отсюда». Объясняется распространённой в первой половине 20-го века привычкой бесплатно ездить на сцепке трамвая («на колбасе», как говорили в связи с её тогдашней трубообразной формой). Иногда поговорку перетолковывают как якобы намёк на тонкую колбасу, связанную кольцом, которая может с лёгкостью катиться.

Дерево влюблённых

Облака в апреле особенные, прозрачные, легко принимающие форму, задуманную ветром. Это только в марте облака наперегонки мчатся за горизонт, стремительно, как чайные клипера. А апрельский ветер скользнёт по джайляу – и поплывут по небу с гор отары белых барашков. Пронесётся по степи – и широкой лавой с запада на восток полетят, захватывая синеву, табуны призрачных скакунов. Заглянет в окно станичника – и, расшалившись, превратит простую герань с подоконника в россыпь пышных заморских цветов, золотом и пурпуром отливающих в вышине в лучах закатного солнца.

Байтурсын оторвал взгляд от неспешно плывущих облаков, удобнее перехватил лопату, выкопал ямку и поставил в неё маленький, на три листа, прутик дуба. Полив водой, уже хотел присыпать корни землёй, как к нему подошла девчонка. Протянула сосновую шишку, попросила:

– Пожалуйста, положи к дубку.

Байтурсын взглянул искоса – девчонка, как девчонка, худая, платье ситцевое, волосы в косу собраны. Лица почти не видно – стоит против солнца. Ответил скупой:

– Нет. Других проси.

Вдоль улицы Фурманова старшеклассники новой средней школы №28 сажали деревья. Девчонка обошла Байтурсына

и встала с другой стороны:

– Не хочу других просить. Пожалуйста.

Он уже хотел наглубить, чтобы отстала, воткнул в землю лопату, повернулся, увидел её глаза. И погиб. Глаза девчонки ясные, голубые-голубые, как небо, которое Байтурсын любил больше всего на свете. Небо, в котором летал на аэроклубовском самолёте-спарке.

– Клади шишку.

Через год Байтурсын уехал в училище военных летчиков. Таня писала письма, он отвечал.

– Осталось два года.

– Я люблю тебя.

– Год.

– Я тоже тебя люблю.

– Ещё полгода.

– А я люблю тебя сильнее.

– Нет, я сильнее.

– Я приеду в июне.

Байтурсын приехал, молодой, уверенный в себе, широкоплечий лётчик, на которого заглядывались девушки и которому старики уважительно пожимали руку. Двадцать первого июня он встретился с Татьяной на том самом месте, где они увидели друг друга впервые. Дубок вытянулся и доставал Байтурсыну до груди, рядом с дубом росла тонкая сосна.

– Я люблю тебя.

– И я люблю.

– До завтра?

– До завтра.

А завтра была война.

Байтурсын летал на бомбардировщике, судьба хранила его экипаж. Но однажды самолёт был подбит и упал за линией фронта, и отправили в семьи похоронки: «Ваш сын... Ваш муж... Ваш брат... погиб смертью героя». Отвыли-отплакали матери, жёны, сестры. А десять дней спустя вышли к своим пилот и радист. Измученные, уставшие, голодные, настрадавшиеся, но – живые.

«Таня, Таня, почему не отвечаешь?» – спрашивал в письмах Байтурсын. Он не понимал, почему нет ответа, неужели квадраты конвертов и простые «треугольники» терялись, не доходили до адресата, падали камнями в глубокий высохший колодец. Что случилось в далёком Яблочном городе. Наконец, ответила соседка. Поздравила «с воскресением»; посетовала на голодный иждивенческий паёк: вот ведь, сын пропал без вести и его продовольственный аттестат отоваривать не будут, уж лучше б погиб; попеняла на эвакуированных, заплонивших город, полторы страницы жаловалась на мальчишек, укравших курицу и соседа, который клянчит милостыню на базаре, а поздно вечером, возвращаясь домой, долго грохочет на крыльце железными колёсиками деревянной тележки-инвалидки, потом напивается и, ночь напролёт, то кричит, то воет «Катюшу» и «Синий платочек». Байтурсын читал внимательно, боясь пропустить строки о Тане.

В самом конце, соседка скомканно сообщила, что Таня, получив похоронку, пошла в военкомат и написала заявление с просьбой отправить на фронт, что она студентка четвёртого курса географического факультета университета и что метеорологи на войне очень даже нужны. Заявление приняли, и через неделю Таню, получившую один кубарь на петлицу, в звании младшего воентехника отправили то ли на Северный флот, то ли на Волховский фронт, – соседка не помнила, потому что писем Таня не пишет, и номера полевой почты у соседки нет.

Ещё три года войны. Три года поисков, писем запросов – в ответ «не значится», «по учетам не проходила», «нет», «нет», «нет». Вести из Алма-Аты тоже не радовали – старые знакомые, аэроклубовские летчики и техники вместе с самолётами ушли на фронт, а из новых никто ничего не знал. В районе, где стоял дом Тани, выстроили цеха военного завода, дома снесли и жильцов расселили кого куда.

Прошрое в прошлом, настоящее – опасно и непредсказуемо, будущее – неизвестно. Только память, даже не о Тане, о высоком апрельском небе, о теплой просыпающейся земле, о двух деревьях, растущих из одной лунки, заставляла верить и повторять как молитву, как заклятье: «Я люблю тебя. Мы обязательно встретимся».

Двадцать первого июня 1945 года Байтурсын стоял у дерева – дуб и сосна срослись стволами. Накрапывал дождик, Байтурсын погладил ствол и медленно пошёл к остановке ав-

тобуса.

– Я люблю тебя, – прошептал ветер в кронах деревьев.

– Я люблю тебя, – эхом откликнулся за спиной тихий голос. Это была Таня.

С тех пор они не разлучались. Каждый год Байтурсын и Таня приходили к своему дереву, приходили сначала с детьми, потом с внуками. Потом приходила только Татьяна. Потом дерево осталось одно. Ненадолго.

Теперь Таня и Байтурсын снова приходят к дереву, полные надежд, весёлые, юные, такие, как много лет назад, когда сажали в одну лунку дубовый росток и сосновую шишку.

А дерево стоит, и если раньше дуб прикрывал сосенку ветвями, то теперь сосна защищает дуб. Поздней осенью, когда опадают листья, хорошо видно две кроны и, покрытый чёрной дубовой корой, ствол, где справа, сквозь грубую «кожу» просвечивает медовое тело сосны.

* * *

– *Любовь спасёт мир.*

– *Не любовь, а красота!*

– *Поспорьте, поспорьте. А то и подеритесь ещё. Тут мухи отдельно, котлеты – отдельно. Негоже, конечно любовь да красоту так сравнивать, однако сами посудите – красота, она во всём есть. Но если ты красоту не видишь, не понимаешь, не чувствуешь, как она **тебя** спасти может? Не го-*

вора уж о мире. А полюбишь, и всё изменится.

— Так уж и изменится?

— Каждому своё, желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит.

— Да ты, брат, философ.

— Это не я — философ, это грек Клеант. Давайте расходиться уже.

— Всем любви!

Ночь пятая: Голос городской аптеки

Что мне рассказать о себе? Знакомые городские Голо-са называют меня «аптекарем». А я не аптекарь, и даже не учусь – просто я живу в аптеке №2. В Центральной Аптеке на Гоголя-Фурманова. Да-да, именно так, с больших букв. А все потому, что моя аптека самая старая из государственных аптек в городе.

В былые времена с врачебной помощью в Верном было нормально – только обращайся занедуживший!¹⁵ Военные врачи, цивильные врачи, которые по тёплому времени дружно на полянке в Казённом саду отдыхали. Офтальмолог городской вёл приём! Даже психиатрическая лечебница имелась. На пятнадцать мест. Лекарства врачи выписывали необходимые для лечения и выздоровления. Но народ-то, в основном, к бабкам, знахарям да костоправам обращался – «настоящие» лекарства дорогие и не всем по карману. Тем не менее, первую аптеку в городе открыли в 1884 году, почти сто тридцать лет назад. Через год открылась еще одна аптека,

¹⁵ В 1854 в укреплении Верное был развернут Верненский полевой лазарет. В 1862 год лазарет для больных военных чинов и гражданских лиц преобразован в госпиталь 1-го, то есть, низшего, класса. Главным врачом в госпитале работал Н. Кроковский, госпитальной аптекой заведовал А. Чернобровин. Из городских врачей того времени известны П.А.Бальбуциновский, верненский уездный врач, З.Я.Реутс и И.И.Соболевский, врачи, наблюдавшие за здоровьем казаков при Штабе войск Семиреченской области.

но город был маленьким, и не выдержав конкуренции, хозяин второй аптеки разорился и дело ликвидировал. А хозяин первой и единственной аптеки процветал и в 1906 году даже открыл филиал. Наконец, в 1910 году появилась ещё аптека, в которой, невиданное дело, работали два (!) фармацевта с высшим фармацевтическим образованием. Понятно, что купить там лекарства мог себе позволить далеко не каждый.

После революции аптеки отобрали у частных владельцев и превратили в государственные. Три года спустя, в 1920 открыли новую аптеку, мою, первую среди многих последующих.¹⁶ Мне понравилось – пусть дом был невелик, зато пахло там травами, настоями, отварами. Жила в моем доме какая-то особенная аура, таинственная, успокаивающая, надёжная: здесь обязательно помогут. Поэтому я никогда не изменял своему дому, даже когда его снесли и на этом месте построили большой жилой дом. Я верил, я знал, что в первом этаже обязательно будет аптека. Так и случилось: аптека работает и по сей день, работает 24 часа в сутки без праздников и выходных. И сколько бы ни было в городе аптек, а их последнее время неслучайно, моя остаётся лучшей. Мне интересно жить в этом доме и наблюдать не только за теми, кто приходит в аптеку, но и за обитателями квартир, ко-

¹⁶ В 1920 открыли аптеку №2 (Гоголя/Фурманова) – дежурную; в 1923 – аптеку №4 (с 1967 имени М.М.Чумбалова); в середине тридцатых – аптеку №9 в «наркомовском доме». В 1926 в городе работали 4 аптеки, в 1939 – 16 аптек, 2 аптекарских магазина, 26 киосков, 16 аптечных пунктов и контрольно-аналитическая лаборатория.

торые живут над ней. Потому что всех их охраняет тот самый невидимый, но добрый и здоровый дух жизни.

Жертва

Родители наградили сына истинно гоголевским именем – Нечипор. Нечипор Мамко. Пока семья жила в Целинном крае, проблем у мальчика не было. Но стоило переехать в Алма-Ату... Пацаны во дворе немедленно окрестили новичка по аналогии с Чиполлино – Чипамамка, Чипа. Кличка Нечипору не понравилась: он начал драться. Драться во дворе, драться в школе. Синяки под глазами перманентно кочевали слева направо и справа налево, скитались по лицу, окрашивая кожу мутным радужным спектром. К «Чипе» прибавилось «Слива» из-за вечно разбитого носа.

Как-то после очередной драки во двор выплыла соседка, Грета Францевна. Протянув побитому Нечипору белоснежный батистовый платок, спросила:

– За что бьёмся?

– За имя, – проворчал Нечипор. – Какой я Чипа?

– А как тебя еще называть – Порик или Неча? – зашумели мальчишки.

– Деточка, у тебя мужественное сердце и удивительное имя – Никифор. По-гречески – победоносец, – соизволила пояснить Грета Францевна. – А вам, молодые люди, должно быть совестно.

Дворовый заводила Колька оглянулся на своё воинство. Воинство ждало колькиного решения – как скажет, так и бу-

дет. Вожак ответил:

– Поняли, бабушка Грета. – Обратился к Нечипору. – У нас один Кешка есть – Еркын. Будешь Кешкой вторым?

– Кешкой – буду, – солидно отозвался Нечипор.

– Тогда пошли в футбол стукать. Ты в защиту или нападение?

– Я лучше на ворота.

– Вот и славно, – заключила Грета Францевна.

Так и стал Нечипор Мамко по паспорту, Никифором-Кешей Мамкиным по жизни.

Была у Кешы тайная страсть или слабость, словом то, что по-заморски можно назвать хобби. Мамкин любил и умел шить – всё, что угодно: рубашки отцу, халаты и выходные платья матери. Строчить брюки, куртки, рюкзаки, шляпы. Из обрезков кожи, фетра, джинсы, солдатской диагонали, ситца и креплена он создавал шедевры портновского искусства. Родители, пошитые сыном, вещи носили с удовольствием, хвалились обновками, но никогда и никому не говорили, кто создатель стильных, удобных одеяний. Совестились, опасаясь осуждения: такой парень, а занимается бабским делом. Мать, расправляя воланы на новой блузке, говорила: «Дальняя родственница – портниха, пошила. Что вы, что вы, она заказы не берёт. Вы же понимаете» – и многозначительно поджимала губы.

Пришлось Никифору, в угоду родителям, закончить стандартный технический ВУЗ и отсиживать инженером в некоем

проектном НИИ. С распадом Союза развалился и НИИ: сотрудники разбрелись и занялись кто чем. Мамкин стал челноком. Ему понравилось слово – напоминало о тайной истинной жизни, да и по сути – сновал туда-сюда, как швейный челнок. Сначала ездил в Китай, потом в Турцию, немного раскрутившись – в Эмираты, потихоньку подумывал о Европе.

Однажды сходя мокрой ночью по трапу самолёта после очередной удачной поездки, неловко повернулся, «поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс». Сложный перелом левой голени и коленного сустава надолго приковал Мамкина к дому.

Жена с утра уходила на работу, дети в школу, после на тренировки, в кружки, просто погулять – семья собиралась дома к восьми вечера. Немоощный глава семьи сидел в одиночестве. Мамкин затосковал, стал жалеть себя, вспоминать молодость и начал... шить. Буйная фантазия вкупе с древней машинкой Зингера творили чудеса. Комбинезоны, пальтишки, платья, которые жена Мамкина относил в специализированные магазины, разлетались, как горячие пирожки среди оголодавших студентов. После смокинга, «построенного» для крошечного рыжего той-терьера, к Мамкину стали записываться в очередь сдвинутые на своих питомцах владельцы элитных собачек. Хорошим тоном стало являться на вечеринку или «выходить в свет» с собачкой «в наряде от Мамкина».

Как-то к Никифору пришла матушка олигарха местного значения, дама преклонных лет с такой же пожилой болонкой и заказала к грядущему семейному торжеству для любимой собачки вечерний костюм. Мамкин с восторгом согласился и блестяще выполнил поставленную задачу. Костюмчик получился на загляденье: шёлковый цельнокроеный фрак, переходящий в штанишки с лампасами, белая манишка, красный кушак, галстук-бабочка. Хитрушка заключалась в отсутствии застёжки. Псинку приходилось запихивать в одеяние через горловину и затягивать на шее бабочкой.

Придя за готовым изделием, дама пожелала увидеть любимца в торжественном наряде – ладно ли костюмчик сидит. Усадив хозяйку на мягкий диван в гостиной, кутюрье понёс собачку в спальню, где и приступил к сложному процессу облачения бедного животного. Болонка сопротивлялась, Мамкин упорно впихивал её в одёжку и только успел затянуть на шее галстук, как собака, не вынеся напряжения и груза прожитых лет, испустила дух. Попросту скончалась. Мамкин обмер. Попытался делать собаке искусственное дыхание, начал трясти и в этот момент в комнату вошла заждавшаяся хозяйка болонки. Увидев, как негодяй-портняжка обращается с «сюси-пуси солнышком, отрадой жизни» дама страшным голосом выкрикнула: «Мерзавец!» и, схватившись за грудь, рухнула на пол.

«И эта! Погиб. – Громыхая гипсом, плача от боли и ужа-

са, Мамкин метался по квартире. – Что делать? Делать что?!» Мамкин схватил телефонную трубку, с трудом попадая по кнопкам, набрал знакомый номер:

– Еркын! Выручай. У меня два трупа! Хорошо. Понял. Откуда кислота – только уксус...

Еркын привёл с собой Кольку-хирурга. Всё оказалось не так страшно. Общими усилиями соседи привели олигархову матушку в сознание. Болонку во фраке со всей соответствующей моменту скорбью уложили в коробку из-под итальянских сапог, импровизированное хранилище бранных останков завернули в кусок чёрного бархата, сопровождали вместе с хозяйкой домой, в особняк. Ещё раз принесли соболезнования и отбыли успокаивать Мамкина.

Спустя час Мамкин, Еркын и Николай допивали противошоковое – чистый медицинский спирт, закусывая мятыми солёными помидорами. Хлопнула входная дверь. С работы вернулась жена Мамкина:

– Ой, хлопчики, та шож вы по-сиротски сидите? Щас скоренько покушать сготовлю. Тольки переоденусь.

Оксана метнулась в спальню.

– Всё. Кешка, нам пора, – Еркын поднялся. – Коляныч, уходим, живо.

– Ребята, не бросайте, – взмолился Мамкин.

В комнату влетела разъярённая Мамкина, потрясая бархатными лоскутьями:

– Это ж какая скотина мою парадную юбку порешила?!

Жалобно зазвенело разбитое стекло, в окно друг за другом полетели пустая бутылка, помидоры, жалкие остатки чёрной бархатной юбки. Друзья ретировались из квартиры, оставив Мамкина на растерзание супруге. Почему-то им было очень смешно.

* * *

— *Смешно, но что-то не весело.*

— *Не любо — не слушай...*

— *... А врать не мешай.*

— *Это кто врёт?!*

— *Ладно, ладно, не кипеишься.*

— *Юбку жалко. И жену. И болонку.*

— *Кх-м. Ну, каждому своё. Всё на сегодня.*

Ночь шестая: Голос Академии Искусств

Мой дом строили несколько лет. Ещё бы, ведь это был главный дом страны – Дом правительства Казахской АССР. В 1927 году решение о переносе столицы из Кзыл-Орды в Алма-Ату было принято и началось создание материальной базы для размещения республиканских учреждений и организаций. И создание этой самой базы началось со строительства моего дома. На Всесоюзный конкурс, объявленный Московским архитектурным обществом, было представлено 54 проекта. Победил проект архитекторов—конструктивистов М. Гинзбурга и Ф. Миллиниса. В последующие годы здание ремонтировали и частично перестраивали, но до сих пор из-под позднейших наслоений, проступает его строгая, лаконичная, монолитная форма.

Теоретическая концепция конструктивизма¹⁷ гласит, что идейно-художественные и утилитарно-практические задачи должно рассматривать в совокупности и что каждой функции отвечает наиболее рациональная объёмно-планировочная структура. Проще говоря, форма соответствует функции. Мой дом был идеален в этом соответствии.

¹⁷ Конструктивизм – советский авангардистский метод (направление) в изобразительном искусстве, архитектуре, фотографии и декоративно-прикладном искусстве, получивший развитие в 1920 – первой половине 1930-х годов.

Центр Алма-Аты с Домом правительства, Домом связи, зданиями Министерства водного хозяйства, кинотеатра «Алатау», гостиницы «Дом Советов», жилыми домами стал лабораторией конструктивизма и, одновременно, его лебединой песней. Вскоре на смену романтично-утопическому, строгому и революционному аскетизму пришёл помпезный, роскошный, величественный и монументальный сталинский ампи́р и дворцы во вкусе Людовика Четырнадцатого стали считаться вполне пролетарскими.

На фасаде моего дома долгое время висела мемориальная доска, что «с балкона этого дома в сентябре 1934 года выступил с речью С.М.Киров», теперь прибавилась еще одна: «В этом здании в 1933—1938 годах работал видный государственный деятель Левон Исаевич Мирзоян в должности Первого секретаря ЦК КП Казахстана. Репрессирован в 1938, расстрелян 26.02, 1939 г. Реабилитирован в 1956 г.» А Сергея Мироновича Кирова застрелили спустя два месяца после поездки в Казахстан, 1 декабря 1934 года.

Потом, через двадцать с лишним лет, построили новый Дом правительства, а здесь поселились студенты сразу трёх факультетов Университета: историки, журналисты и филологи. Назывался он тогда Казахский государственный университет имени С.М.Кирова. Такое вот стечение обстоятельств. Когда построили городок КазГУ и мои славные гуманитарии переехали, в дом заселилась киношно-театрально-художническая братия. Жизнь у меня пошла хлопотная,

калейдоскопная, весёлая. Чему только не был я свидетелем и каких только историй не наслушался:

Музейная история

В сентябре 1985 года Центральный Государственный музей Казахской ССР переехал из здания Кафедрального собора, что в парке имени 28-и гвардейцев-панфиловцев, в огромное суперсовременное по тем временам здание на улице Фурманова. Экспозицию строили ударными темпами – жизненная необходимость – успеть к 16 съезду компартии Казахстана¹⁸. Сотрудники и бригады художников работали на износ – день ненормированный, переходящий в ночь, без праздников и выходных. Здание, естественно, как и всякая «датная» стройка, до ума не доведено – холод невероятный и сквозняки, как в средневековых замках.

В каждом из четырёх экспозиционных залов работали научные сотрудники со «своими» художниками. Тематический материал собирался трудно, каждый предмет оплачен «кровью» и нервами. Над каждым экспонатом сотрудники, понимая их историческую, и не только, ценность, тряслись до полной потери сознания.

Работа кипела и в зале истории советского периода уже шла к завершению. Реконструкции, инсталляции, витрины... Вещи, награды, фотографии, документы – срез страшного и великого времени. В одной из витрин, с реконструк-

¹⁸ 16 съезд коммунистической партии Казахской ССР состоялся в январе-феврале 1986 года.

цией кабинета писателя, среди многих раритетных вещей на ореховом столе под круглым абажуром «наркомовской» лампы стояла хрупкая «музейная гордость» – хрустальный «морозный» стакан в серебряном, выложенном эмалью, подстаканнике. Из него, в своё время, пил чай Сакен Сейфуллин. И вот как-то утром, сотрудники, придя к месту работы, обнаружили пропажу: подстаканник стоит, а стакана нет. Началась тихая паника. Надо сказать, что зал был поделён на зоны ответственности – тот из сотрудников, кто вёл определённую научную тему и отвечал за построение этого раздела, отвечал и за сохранность экспонатов. Все кинулись в свои «зоны ответственности». И «случилось страшное» – пропажи обнаруживались одна за другой: комиссарская шинель времён гражданской войны, алюминиевая армейская вилко-ложка, вышитая скатерть, и, самое ужасное, из витрины пропал скальпель из хирургического набора академика Сызганова – самый большой и невероятно острый. Дальнейшее напоминало «пожар во время наводнения в сумасшедшем доме».

Через час на рабочие места подтянулись художники и тоже приняли посильное участие в этом апофеозе безумия. Когда сотрудники рядами и колоннами уже приготовились идти сдаваться с повинной и слёзы брызгали из глаз во все стороны, как сок из спелых помидоров, и кончился валидол, корвалол и нитроглицерин, кто-то из художников, пробежавшись по экспозиции в очередной раз, всё понял. Он кинул-

ся в башенку с внутренней лестницей, ведущей на крышу, и скоро вернулся, бережно сжимая в руках липкий хрустальный стакан и серебряно сияющий скальпель.

Объяснилось все просто. Художники работали даже по ночам, некоторые так и оставались спать в экспозиции. И вот, один из талантливейших живописцев, мастер диорам В.П., уже где-то перед рассветом дописывал задник диорамы «Бой у разъезда Дубосеково». Рука у него «пошла», работа спорилась. Всё! В.П. посмотрел на дело «своих кистей», понял, что он гений и решил отметить это событие. А так как натурой он был поэтической и романтической, то поднялся ввысь, к мерцающим и начинающим гаснуть звёздам – на крышу. Прихватил с собой всё, что могло понадобиться, накинул на плечи шинельку и вверх! А уж там расстелил скатерть, скальпелем нарубал колбаски с хлебом, налил из заветной бутылочки в хрустальный стакан, немножко расслабился и уснул.

Художник он действительно – от бога, а экспонаты благополучно вернулись на свои места. Вот только зачем ему была нужна вилко-ложка? Хотя пути творческой природы неисповедимы.

* * *

– *Что, опять не смешно?*

– *Да не то, чтобы очень. Но – жизненно.*

– Люди творческие, своеобразные.

– Ничего больше рассказывать не буду!

– Что за детский сад: буду – не буду. Твоему дому, кстати, крышу починили?

– Починили, и фасад отремонтировали, а то я уж боялся, что мой домик тоже, того... приговорят. Обошлось.

– Вот и славно. Разлетаемся. До завтра.

Ночь седьмая: Голос сгоревшего театра

Мой дом сгорел в начале лихих девяностых. Несколько лет он смотрел на город чёрными провалами окон, с немым укором и тайной надеждой: когда же придут люди, восстановят крышу, покрасят стены, вставят стёкла и на обновленной сцене куклы начнут весёлый разговор с маленькими зрителями.¹⁹

Проектировали дом архитекторы-конструктивисты, правда, потом, позже поменяли и изукрасили фасад, но все же дом-кинотеатр был экспериментальным, необычным. И ещё он был самым большим кинотеатром²⁰ в городе. Да их и было то всего три, построенных и открытых почти одновременно: «Алатау», «Алма-Ата» в парке Федерации²¹ и «Ударник»,

¹⁹ Здание было построено в начале 30-х годов, как здание кинотеатра «Алатау». В 1944 году передано для Театра юного зрителя. После того, как было построено новое здание для Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова, ТЮЗ переехал в прежнее здание Каздрамы на Коммунистическом проспекте (ныне Абылай хана, 38). В 1981 году в здании ТЮЗа обосновался Республиканский кукольный театр.

²⁰ Первый сеанс «синематографа» в Верном состоялся 22 июня 1910 в кинотеатре «Марс». К 1912 в Верном было три частных кинотеатра, закрытых в годы Гражданской войны.

²¹ Парк Федерации был заложен в 70-е годы 19 века на месте станичного кладбища. Старокладбищенский парк позже был соединен с Соборным и получил название Городской сад. Название парка неоднократно менялось: в 1899 в связи

переделанный из здания Софийской церкви в Большой станции.

А какие очереди я видел! Когда показывали фильм «Чапаев» – несколько раз в кинотеатре меняли экран: во время атаки каппелевцев ребятня (да и не только, говоря между нами) стреляла по «белякам» из рогаток и забрасывала грязью. А как захлёбывались хохотом зрители на «Волге-Волге» и «Весёлых ребятах», как переживали за судьбу Максима²², как готовились к неизбежному, смотря «Александра Невского».

Влюблённые встречались под часами у входа; мороженщик в белой куртке предлагал, зажатое между двумя круглыми вафлями, клубничное мороженое; торговали цветами алма-атинские бабушки: подснежниками ранней весной, тюльпанами, знойными летними барынями, ромашками и флоксами, прихваченными ночными морозами, пышными разноцветными астрами.

Война закрыла мой дом. В Алма-Ату эвакуировали киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм» и 15 ноября 1941 года на их базе, присоединив Алма-атинскую киностудию художественных фильмов, создали ЦОКС – Центральную объ-

с 100-летием со дня рождения А.С.Пушкина получил название «Пушкинский сад», в 1919 – Парк павших борцов за свободу, в 1927 – Парк Федерации, с 1942 – Парк имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев.

²² Кинотрилогия «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона» режиссёров Г. Козинцева и Л. Трауберга, рассказывающая о судьбе молодого рабочего, который становится профессиональным революционером.

единенную киностудию. Так Алма-Ата стала кинематографической столицей Советского Союза. А здание кинотеатра «Алатау» стало одним из съёмочных павильонов киностудии. Сразу за ним поставили брезентовый шатёр шапиро и в этих двух павильонах снимали трюковые сцены. Я видел, как работали Николай Крючков и Любовь Орлова, Николай Черкасов и Валентина Серова, Пётр Алейников и Вера Марецкая, Михаил Жаров и Людмила Целиковская, Василий Ванин, Марина Ладынина, Марк Бернес, Леонид Андреев, Лидия Смирнова... Я помню, как получив по продовольственным карточкам 400 граммов хлеба и кусочек вяленого мяса – суточную норму, актёры возвращались на съёмочную площадку и работали, работали, работали. Во мне до сих пор звучат бессмертные строки:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

В конце 1944, когда «Мосфильм» и «Ленфильм» вернулись в Москву и Ленинград, мой дом отдали Театру для детей. Удивительная женщина, Наталья Ильинична Сац, создала казахстанский Театр юного зрителя. Она и её единомышленники любовно обустроивали место, где каждый ребёнок чувствовал себя счастливым, а взрослый, пусть ненадолго, но возвращался в беззаботное детство. Склонившийся в лёгком поклоне Пушкин и играющий на домбре Джембул встречали входящих.²³ Вырезал их скульптор Исаак Иткинд из ствола того самого столетнего карагача, что рос на углу проспекта Сталина и Октябрьской, причём разрешение на порубку дерева с трудом выдал горисполком. Год мой дом ремонтировали, а в ноябре 1945 торжественно открыли спектаклем «Красная Шапочка».²⁴ За тридцать пять лет спектаклей я пересмотрел несчётно, все пьесы знал наизусть и даже иногда работал суфлёром, подсказывая молодым актёрам забытый от волнения текст.

А потом обе труппы ТЮЗа переехали и в мой дом пришли

²³ Так как скульптуры жанровые – Джембул играет на домбре, а Пушкин идёт на зрителя с цилиндром в протянутой руке, алма-атинские остряки тут же прозвали эту композицию «Подайте нищему». Когда назначали встречи, говорили: «Встречаемся тогда-то у «Подайте нищему».

²⁴ Русская труппа начала работу в ноябре 1945 спектаклями «Красная Шапочка» Е.Л.Шварца и «Осада Лейдена» И.В.Штока. Казахская труппа открылась спектаклем «Золотой ключик» А.Н.Толстого 1 мая 1948. В период формирования труппы, в феврале 1947, была поставлена комедия А.Н.Островского «Не всё коту масленица».

куклы и кукловоды. С ними тоже было интересно и весело, но я тосковал и по ночам играл в шахматы с ночными сторожами – студентами-физиками Юркой и Азмой: то с Юркой – за чёрных, то с Азаматом – за белых.

Внезапно полыхнуло пламя, и был огонь, и дым, и долгая-долгая ночь, и на месте театра, наконец, построили другой дом. Да что там дом: жилой комплекс, с ресторанами, банками, магазинами, автостоянкой. И я живу в нём. Он такой красивый, но пока не мой – огромный дом, многоэтажный... Во тьме сияют окна, редкие, как клёцки в супе скряги. Квартиры проданы. Недвижимость. Надёжно. Просто. Только память ведёт в театр, давно сгоревший ночью.

И до сих пор я вспоминаю ребятню из маленьких частных домов с улицы Панфилова, моих благодарных зрителей. К ним я частенько навещался в гости:

Бармалей

Это утро ничем особенным не отличалось. Обычное июньское утро, жаркое, солнечное. Как всегда, после завтрака папа пошёл на работу, мама осталась дома, с детьми – в школе каникулы, а детский сад на ремонт закрыли. Деток пятеро, погодки. Четыре дочки – старшей девять лет, – и сынок Бахрам, младшенький, любимый. Девочки все весной родились и имена у всех весенние, цветочные – Анаргуль, Бахтигуль, Гульсянам и Ясмина. Папа, когда с работы возвращается, обнимает всех сразу, говорит: «Вы мои цветочки любимые!» Мама брови сразу шутливо хмурит:

– А я разве не любимый цветок?

– Ты не цветок. Ты – тростиночка! Самая-самая дорогая, моя Назугум! – на руки её подхватывает, как ребёнка, и так с ней на руках и танцует. Мама Назугум ростом невелика и чтобы повыше казаться шею очень прямо держит и плечи назад отводит, а ещё у неё волосы густые, длинные – она их в косу заплетает и на затылке закручивает. От этого подбородок всегда приподнятый и когда она идёт, кажется вот-вот, ещё шаг и взлетит Назугум, как птица. Никогда она празднично не сидит – всегда в делах, всегда в заботах. Вот и сейчас в комнате прибрала, посуду помыла, бельё постельное погладила, тесто на пироги стала заводить. И всё с улыбкой делает и напевает тихонько. Дочки помогают, чем могут,

а Бахрам ходит за мамой и тянет:

– Ма-ам, почитай книжку... Ну, ма-ам, пожалуйста, почитай.

Зимой мама читала детям «Буратино», а потом они пошли в театр, на спектакль. Прочитала «Золушку» – и снова в театр. Бахраму нравилось, когда оживали любимые книжные герои. А тут ему подарили книжку с картинками и такие картинки интересные – там и бабушка от которой посуда убежала, и крокодилы с мочалкой, и странный шкаф с краном, и страшный бородатый человек в большой шляпе и с саблей. Если и они оживут?

Наконец мама все дела переделала и сказала, что пора читать. Девочки на тахту забрались, в серединку братца посадили, прижались друг к другу, как птенцы в гнезде. Мама напротив на маленькую табуретку примостилась и открыла книжку. Прочитала про Мойдодыра, про Федорино горе и начала про злого Бармалея. Только дошла до слов: «... кушает детей – гадкий, нехороший, жадный Бармалей!» – раздался стук в дверь. Девочки-«цветочки» закричали: «Ай! Ай! Ай!» И даже Бахрам крикнул: «Ай!» Правда, потихоньку потому, что он смелый, а смелые ничего не боятся. Это оказался вовсе не Бармалей. Пришла соседка, тётя Катя, сказала маме, что в магазин к обеду обещали привезти гречку и сливочное масло, но очередь надо сейчас занимать: «Не то окажемся в хвосте, и всё перед нами разберут».

Мама расстроилась, как же так, надо бы купить и гречки,

и масла, но в очереди часа три придётся простоять. Как дети одни? Тогда старшая Анаргуль сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.